

УДК 792.01+82.225

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_47

Н.Н. Кислова

Самара
Самарский государственный социально-педагогический университет
kislova_nn@sgspsu.ru

О.В. Журчева

Самара
Самарский государственный социально-педагогический университет
janvaro@mail.ru

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ПЕТРА I В РОМАНЕ Б.А. САДОВСКОГО «КАРЛ ВЕБЕР»

На примере романа «Карл Вебер» Б.А. Садовского в статье рассматривается феномен театрализации жизни как источник для создания сюжетов. Изучение проблемы обнаружилось способы изображения эпохи Петра I через пародийную обрядность (шутовская свадьба, шутовские похороны, шутовские празднества), воспринимаемую сознанием европейца. Герой романа становится свидетелем формирования особой праздничности нового времени. Исследование показало, что карнавализованное поведение царя и его окружения, шутовская и скомошошь культура петровской эпохи изображают хаос авантюрного мира главного героя.

Ключевые слова: *театрализация жизни, литературная стилизация, Садовской, пародийная обрядность, праздничная культура, антиповедение.*

Борис Александрович Садовской (1881–1952) создал роман «Карл Вебер», где в сложной мозаичной композиции в конструкции сюжета отразился не менее сложный образ XVIII века. Из всего метатекста романа с разного рода цитатностью, реминисцентностью, стилизованностью в статье будет выделен только один аспект: каким образом автор отразил *реформу веселья*, своеобразный *русский карнавал*, создававший образ *антимира* через театрализацию жизни русского двора времен Петра I [1, с. 359–376].

Роман «Карл Вебер» создавался писателем в период с 1916 г. по 1928 год. О публикации отрывков из него хлопотал пушкинист М.А. Цвяловский, одноклассник Садовского по Александровскому училищу. Есть сведения, что в 1923 г. Садовской закончил роман и отдельные главы из него, в 1927 г. опубликовал в журнале «Красная новь», а в 1928 г. роман под заглавием «Приключения

Карла Вебера» выпустило в свет издательство «Федерация». Эта книга стала последней, которую Садовскому удалось издать при жизни. Следующая публикация романа под названием «Карл Вебер» состоялась в 1990 г. в сборнике «Лебединые клики», составителем которого стал С.В. Шумихин¹.

Б.А. Садовской – представитель той эпохи, когда литературную биографию, по словам В.Ф. Ходасевича, не отличали от личной, в ходу было ролевое, театрализованное поведение в среде людей, связанных с искусством [2]. Когда судьба исключает писателя из литературного мира со своими законами, он выбирает прием литературной стилизации как соотносимый с театральностью, игровым поведением в жизни.

По мнению Д. Голынка, стилизация – это своего рода завоевание и присвоение чужого лексического тезауруса, чужого

¹ Садовской Б.А. Лебединые клики. Москва: Сов. писатель, 1990. 475 с.

сознания, чужого стиля. Стилизация требует точности, ее может разрушить анахронизм или неточность. Если стилизация осуществляется сознательно и мастерски, то текст становится «коллажем художественных языков, постоянной сменой традиций» [3].

Самая отточенная дефиниция, применимая к стилизации, принадлежит М.М. Бахтину: «Всякая подлинная стилизация, как уже сказано, есть художественное изображение чужого языкового стиля, есть художественный образ чужого языка. В ней обязательно наличны два индивидуализированных языковых сознания: изображающее (то есть языковое сознание стилизатора) и изображаемое, стилизуемое. Стилизация отличается от прямого стиля именно этим наличием языкового сознания (современного стилизатора и его аудитории), в свете которого и воссоздается стилизуемый стиль, на фоне которого он приобретает новый смысл и значение. Это второе языковое сознание стилизатора и его современников работает на материале стилизуемого языка: непосредственно о предмете стилизатор говорит только на этом чужом для него стилизуемом языке» [4, с. 173].

Позже Бахтин конкретизировал это понятие как переосмысление последней смысловой инстанции и сведение ее к литературной условности: «Стилизация предполагает стиль, то есть предполагает, что та совокупность стилистических приемов, которую она воспроизводит, имела когда-то прямую и непосредственную осмысленность, выражала последнюю смысловую инстанцию. Ведь стилизатору важна совокупность приемов чужой речи именно как выражение особой точки зрения. Он работает чужой точкой зрения. Поэтому некоторая объектная тень падает именно на самую точку зрения, вследствие чего она становится условной. Подражание не делает форму условной, ибо само принимает подражаемое всерьез, делает его своим, непосредственно усваивает себе чужое слово. Здесь происходит полное слияние голосов, и если мы слышим другой голос,

то это вовсе не входит в замыслы подражающего» [5, с. 212].

Так же как современники Михаил Кузмин, Алексей Ремизов, Константин Вагинов, близкие ему по эстетическим поискам, Б.А. Садовской оправдывал метафору *жизнь в литературе*. Некоторые опыты Садовского были близки к литературно-биографическим мистификациям Владислава Ходасевича («Жизнь Василия Травникова»). Однако избранное писателем культурное пространство было несколько ограничено: пристрастие к определенным речевым жанрам: моделирование исторического документа и собственно историческая стилизация сковывали его языковую фантазию.

На общую концепцию стилизации работала *кусковая композиция*, как называл Ю.Н. Тынянов мозаику из сюжетных фрагментов, на первый взгляд не связанных между собой, каждый со своей речевой маской, со своей пространственно-временной и фразеологической точкой зрения [См.: 6].

Проблема стилизации тесно связана с социокультурной ситуацией первой трети XX века. Театрализация жизни, ролевое поведение, литературное поведение мотивировалось поведением многих причастных к искусству людей 1910–30-х годов. По наблюдениям А. Шаталова, «Примером могут служить и мистические бдения на Башне Вячеслава Иванова, и игры в натурализм Максимилиана Волошина, поклонение хлыстовству в окружении А. Радловой, увлечение античностью К. Сомова и М. Кузмина. <...> Театральный экзерсис, поставленная в театре пьеса делаются наиболее значимыми формами общения актеров и литераторов друг с другом и со зрителями – на языке аллегорий. Именно по этому принципу строятся действия в “Бродячей собаке” (1911–1915) и “Привале комедиантов” (1916–1919)» [7, с. 58].

Источником игрового, *литературного поведения* становилось художественное мировоззрение эпохи и собственные эстетические концепции. В. Ходасевич, подводя своеобразные итоги *духу серебряного века*, в 1939 г. в «Некрополе» писал: «Символисты не хотели отделять

писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественным течением. Все время порывался стать жизнетворческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда. <...> Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел бы слить жизнь и творчество воедино» [3, с. 7-8]. *Разыгрывать*, носить маску в быту, актерствовать нередко входило в привычку. Стиралась граница между игрой и обыденным существованием, что проявлялось в своеобразном «перевоплощении», необходимом атрибуте всякого актерства и праздничности. Такой образ был характерен для многих известных личностей 1920-х гг.: имажинистов, обэриутов, лэфовцев, «Серапионовых братьев», многих актеров и режиссеров, особенно из авангардных и эстрадных театров. Открытая театральность образа жизни людей творческой элиты 1920-х гг., независимо от форм, в которых она проявлялась, поддерживалась двойственностью поведения, соединявшего стремление эпатировать окружающих и искреннюю привязанность к своей «маске»; радость творчества и отчаяние от невозможности существовать вне избранной модели [См.: 8, с. 375–376]. Б.А. Садовской «творит» миф, создает свой театр, играет масками в литературе, а не в жизни.

В романном повествовании «Карла Вебера» представлена театральная среда: европейская бродячая театральная труппа; и *театральная* жизнь: праздничная и обиходная жизнь при дворе Петра I. Миру театра, изображению быта и ремесла актеров европейского бродячего театра XVIII в. посвящена глава «Комедианты»: «Деревянные дощатые балаганы с дрожщими половицами, шаткие подмостки, спертый и пряный воздух кулис, скудно мерцающие свечи, урчанье настраиваемого оркестра, шутки и беготня за сценой, проказы беззаботных маленьких актрис и шуршанье их пышных мишурных юбок, крики попугаев и ржанье лошадей, возгласы директора, постепенный мерный шум от наплыва зрителей, подобный набегающему при-

ливу, первые хлопки и беспокойство райка, вздернутый занавес и взрывы рукоплесканий – все нравилось Карлу и увлекало его»¹. В труппу Пржепельского главный герой принят для игры злодеев и привидений: «поступил в драматическую студию Пржепельского под именем Голиафа»². Б.А. Садовской описывает переезд театра из города в город, впечатления от выступлений актеров, устройство балагана. Изображение бродячего театра, любовное приключение Иды, взаимоотношения внутри труппы невольно отсылают к эпизодам романа Теофиля Готье «Капитан Фракас» [9, с. 98], а манипуляции автора героями и их судьбой, произвольная амплитуда пространственных и временных скачков персонажей: от гофмановской Германии к Петровской России, от Турции барона Мюнхгаузена к фантастическому миру Северного полюса – напоминают «Повесть об Артуре Пиме» Эдгара По.

Приехав в Россию по приглашению князя Меншикова, Карл Вебер неожиданно попадает в ближайшее окружение царя и оказывается активным участником придворной жизни. Хорошо известна страсть Петра I к самым разнообразным перформативным действиям, в том числе и смеховым. В различных дневниках и мемуарах иностранных дипломатов, находившихся при дворе, сохранилось много ярких зарисовок подобных событий, где принимали участие «как видные сановники, включенные царем в состав так называемого всешутейшего и всепьянейшего собора, так и люди, для которых смех являлся основной профессией, так сказать, *populus ridiculam* (смешные люди [лат.]): шуты, карлики, великаны, арапы» [10, с. 209]. Примечательно и то, что среди *populus ridiculam* при Петровском дворе преобладают карлики, а Карл Вебер – великан.

Обычай держать среди челяди людей экзотической наружности бытовал в XVII–XVIII вв. при всех европейских дворах, обязательным их атрибутом были карлики (карлы). И при дворе Петра I

¹ Садовской Б.А. Лебединые клики. Москва: Сов. писатель, 1990. С. 15.

² Там же.

центральное место занимают карлики. Они служат развлечением во время пиршеств царя: поют, кувыркаются и пляшут. Внимание Б.А. Садовского часто сосредоточено не на описании деталей одежды, утвари, портрета, то есть собственно исторических реалий, а на создании впечатления от увиденной героем картины событий. Например, в сцене первого появления карликов перед Карлом, он вначале слышит мелодичный звон, а затем видит вереницу карликов. Он фиксирует как они идут, сколько их, где расположены бубенчики, издающие легкий звон, «записывает», что они поют, кто является их предводителем.

Важной приметой придворной жизни русских императоров и императриц являлись и шуты. Они были неперменным элементом института *государственного смеха*. Так, в список петровских шутов включены: «Никита Моисеевич Зотов, знаменитый князь-папа, а также начальник царской походной канцелярии, Яков Тургенев, Филат Шанской, Алексей Никифорович Ленин (в 1693 г. был стряпчим), князь Юрий Федорович Шаховской (с 1711 г. главный гевальдигер – начальник военной полиции), Алексей Иванович Тараканов (стольник, сенатор в 1728 г.), Кирсантевич (?) и Андрей Иванович Ушаков (граф, генерал-аншеф, начальник Тайной канцелярии, правитель Рекрутской канцелярии» [12, с. 209–210]. По комментарию Ф.И. Страленберга, «последний, говорят, самый лучший, потому что без указу ни над кем не смеялся, а всегда искал, как бы Петра позабавить, и многим добрые услуги оказывал, через что стал всем приятный и богатый. А из иностранных Лефорт, а после него Ягушинский, человек доброго разума, Пётр его достойно жаловал за многие службы, и никто обоснованно не мог на него пожаловаться» [11, с. 118, 316]. И это не только российская практика. Как отмечает В.П. Даркевич, и в Европе «случалось, что владетельные особы возводили придворных буфонов в ранг министров и советников» [12, с. 153].

Ориентируясь на анекдоты о шуте Балакиреве [13], Садовской объявляет его главным действующим шутком

при дворе Петра I. На самом деле Иван Алексеевич Балакирев был шутком во времена царствования Анны Иоанновны. О шуте Балакиреве в романе сказано, что «языка его все боятся», «главную соль его острот составляют грубость и неприличие», с ним же связан шутовской обряд венчания с козой и ритуал поздравления с новорожденным («приходить на зубок»)¹.

В свое время М.М. Бахтин отмечал, что «Пётр Великий, как известно, пытался, привить у нас формы поздней европейской традиции «праздника глупцов» (избрание «всешутейшего папы» и т. п.)...» [14, с. 235–236]. Этим же можно объяснить и пристрастие Петра к шутовским свадьбам и похоронам [15, с. 64].

Американский исследователь Э. Зицер отмечает сходство подобных шутовских действий с элементами святочного обряда, а именно с колядованиями [16, с. 115]. В описаниях обряда встречаются наряды из мочала, шляпы из лыка, соломенные сапоги, что является откровенными атрибутами антиповедения. Подобное разнообразие форм антиповедения, по мнению Б.А. Успенского, сводится к следующей парадигме: замене регламентированных норм на их противоположность. Антиповедение проявлялось в действиях людей в пограничные моменты, отмеченные календарными обрядами: Святки, Масленица, купальские дни [17, с. 461]. По сути дела, может идти речь о русском аналоге карнаваль-ной культуры в ее различных проявлениях. К слову сказать, свадьба царского шута праздновалась в январе.

Исторические источники, например, предоставляют подробное описание свадьбы царского карлика-шута Якима Волкова, состоявшейся в Петербурге в 1710 г., на которой венец над невестой держал сам царь в знак своей особой милости [18]. Датский посланник Юст Юль писал, что во время церемонии «кругом слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство более напоминало балаганную комедию, чем венчание или вообще богослужение. Сам священ-

¹ Садовской Б.А. Лебединые клики. Москва: Сов. писатель, 1990. С. 45.

ник вследствие душившего его смеха насилию мог выговаривать слова во время службы» [19, с. 223].

Шутовские свадьбы и похороны описаны и в романе «Карл Вебер». Петр I предлагает великану Карлу Веберу жениться на карлице. Венчание Карла и Зануды – это обряд «наизнанку», пародия, образец антиповедения. Д.С. Лихачев отмечал, что характерные для этой эпохи «маскарады, пародические и шутовские празднества, шутовские шествия... свадьба шута Тургенева в 1695 г., такое же празднество в 1704 г., свадьба шута Зотова в 1715 г....» стали проявлением древнерусской смеховой стихии, пережившей Древнюю Русь и отчасти проникшей в XVIII и в XIX веках [20, с. 389].

Петр сам часто сочинял программы шутовских празднеств, творчески перерабатывая некоторые народные обряды, усиливая в них смеховые элементы, доводя их до абсурда, нарочито огрубляя старинные обычаи. Так и Б.А. Садовской упоминает именно Петра как автора шутовского обряда женитьбы шута Балакирева на козе.

В том же ряду шутка Балакирева, объявившего, что его жена-коза родила, за чем последовал традиционный обряд поздравления шута с родинами. Весь двор был вынужден выполнять привычные действия: например, клали деньги родильнице «на зубок». Однако сама обстановка была примером антиповедения, отражала «инишный мир» русской смеховой культуры. «Шут лежал на двухспальной кровати; рядом из-под стеганого одеяла выглядывала белая козья мордочка с позолоченными рогами. В богатой корзине верещал новорожденный. В домишке было светло и весело; горели цветные свечи, зеленели березки, изукрашенные лентами, мягко звенели бубенчики на шутовском колпаке и на рогах у козы»¹.

Присутствует в романе еще одно развлечение Петровской эпохи – похороны карликов, соединившие в себе традиционный обряд и комические похороны, отразившиеся в некоторых формах

фольклорного театра (например, пьеса «Маврух»). В похоронах карлицы Зануды участвуют царь, Карл, двадцать траурных карликов на ходулях, шут Балакирев, юноша Тредьяковский.

Подобные похороны состоялись в 1724 г. незадолго до смерти самого Петра. Скончался тот самый Яким Волков, чья свадьба была отпразднована в 1710 году. Описание этих похорон было составлено одним из придворных. Похороны отличались тем, что для процессии были подобраны очень маленькие люди: «Впереди всех шли попарно тридцать певчих – все маленькие мальчишки. За ними следовал в полном облачении крошечный поп, которого из всех здешних священников нарочно выбрали для этой процессии по причине его малого роста» [20, с. 143].

Б.А. Садовской воспроизводит элементы петровской пародийной обрядности, упоминая и взвод преображенцев, и траурные одеяния, и красный гробик. Но изначальный характер обряда объясняется не столько смеховой стихией, сколько пьяным характером церемонии, от чего возникает сочувствие к убитой Зануде, а «смешить может только то, что не вызывает сочувствия» [20, с. 389].

Б.А. Садовской в романе «Карл Вебер» благодаря удивительному художественному чутью почувствовал и изобразил «перевернутое» или карнавализованное поведение людей, инициированное монархом. Подобные праздничные инициативы Петра лишь внешне связаны с природой западноевропейского карнавала. С.Е. Юрков замечает, что поведение царя и его подданных схоже с организацией скоморошеского зрелища: «Скоморох организывает “шоу” по принципу “перевернутости” в отношении норм повседневной жизни, аналогично и Петр выстраивает мир антиповедения в качестве антитезы (перевернутости) традиционности, в частности, православной концепции смеха» [21, с. 93]. Антиповедение вносит хаос, а инициатор хаотизации мира – сам монарх. Спутанность знаковой системы играет основную роль в изображении антимира.

В этом смысле роман Б.А. Садовского опосредованным способом отражает

¹ Садовской Б.А. Лебединые клики. Москва: Сов. писатель, 1990. С. 46–47.

поиски выхода главного героя из хаоса авантюрного мира, отраженного в романе. В этом смысле театрализации жизни противостоит романная рамка. Повествование начинается идиллически, но первые признаки любовного влечения к Иде делают Карла Вебера частью авантюрного мира – он становится великаном с огненно-рыжей бородой.

Знаменателен и финал. Карл Вебер в эпилоге достигает Южного полюса, неизвестно в реальности или в своём воображении. Этот фантастический мир статичен, наделён идиллической гармонией между людьми, птицами, животными, цветами. Это мир, где преодолён хаос жизни, достигнуто счастье – описание его отвечает народным утопическим представлениям. Здесь герой найдёт покой.

Таким образом, роман Б.А. Садовского «Карл Вебер» весьма ярко и точно отражает атмосферу театрального, смехового дискурса Петровской эпохи, несмотря на то, что пребыванию героя при дворе посвящены три главы.

Среди военных, административных и других реформ Петра I многие исследователи (Д.С. Лихачев, А.М. Панченко,

С.Е. Юрков и др.) называют *реформу веселья*. Петр пытался противопоставить старинной *праздничности* некую *новую праздничность*, которой присваивалось качество культурной ценности. Частью этой светской, автономной от церкви, культуры была театральность. Она не только выступала фактором произвольного наделения смыслом, но и присваивала, осуществляла некую семантическую свободу высказывания. Традиция западноевропейского карнавала и искусство скоморохов, балагана, площадных зрелищ смешались в сознании эпохи.

Б.А. Садовской в романе «Карл Вебер» изобразил эпоху Петра I сквозь призму шутовской свадьбы, шутовских похорон, шутовских празднеств, воспринятых сознанием европейского человека (Карла Вебера), ставшего, по сути, свидетелем формирования под руководством монарха новой праздничности. Карнавализованное поведение царя и его окружения, праздничная культурная политика Петра I усилили хаос авантюрного мира Карла Вебера и породили в нем стремление к уходу от театрализации жизни.

Список литературы

1. Панченко А.М. О русской культуре и истории. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 464 с.
2. Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б. А. Садовскому. Москва: СС, 1996. 461 с.
3. Голынок Д. Bagatelle. Анализ творчества Бориса Садовского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sadovskoi.ru/author/dmitriy-golynko.html> (дата обращения: 14.11.2020).
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. 502 с.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Сов. писатель, 1963. 363 с.
6. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Искусство, 1977. С. 255-270.
7. Шаталов А. Предмет влюбленных междометий. Ю. Юркун и М. Кузмин – к истории литературных отношений // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 58-61.
8. Журчева О.В. Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. 418 с.
9. Кислова Н.Н. Театральный дискурс в прозе Б. А. Садовского // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1. С. 94-99.
10. Мухин О.Н. «От великого до смешного...»: несколько штрихов к портрету *populus ridiculam* при дворе Петра I // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11 (139). С. 209-215.

11. Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганн Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии: в 2 т. Т. 1 / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятных, В.Е. Возгрин. Москва; Ленинград: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. 220 с.
12. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. Москва: Наука, 1988. 344 с.
13. Чеботарев А.Ю. Иван Алексеевич Балакирев как персонаж русского фольклора // Петровское время в лицах: материалы науч. конф. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 228–239.
14. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 [2]. Москва: Языки славян. культур, 2010. С. 7–508.
15. Попов М.Е. «Реформа веселья»: составная часть культурной политики Петра I // Мир Евразии. 2015. № 4 (31). С. 62–65.
16. Зицер Э. Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. Москва: Новое лит. обозрение, 2008. 240 с.
17. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., перераб. Москва: Школа «Языки рус. культуры», 1996. С. 460–476.
18. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. Москва: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.
19. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1997. 508 с.
20. Мухин О.Н. Царь карнавала: к проблеме смысла шутовских свадеб и похорон в Петровской придворной культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 140–151.
21. Юрков С.Е. Петровская модернизация как «перевертывание» антимира // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). Санкт-Петербург: Летний сад, 2003. С. 81–102.

Сведения об авторах:

Кислова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного социально-педагогического университета

ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443090
kislova_nn@sgspu.ru

Журчева Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного социально-педагогического университета

ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443090
janvaro@mail.ru

Дата поступления статьи: 02.09.2021

Одобрено: 20.09.2021

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования:

Кислова Н.Н., Журчева О.В. Театрализация жизни в эпоху Петра I в романе Б.А. Садовского «Карл Вебер» // Сфера культуры. 2021. № 3 (5). С. 47-56.
DOI:10.48164/2713-301X_2021_5_47

УДК 792.01+82.225

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_5_47

N.N. Kislova

Samara
Samara State University of Social Sciences and Education
kislova_nn@sgspu.ru

O.V. Zhurcheva

Samara
Samara State University of Social Sciences and Education
ianvaro@mail.ru

THE THEATRICALISATION OF LIFE IN THE ERA OF PETER THE GREAT IN B.A. SADOVSKY'S NOVEL "KARL WEBER"

This article considers the phenomenon of the theatricalization of life as a source for creating plots by examining the 1928 novel by B.A. Sadovsky, *The Adventures of Karl Weber*. The novel depicts the era of Peter I and its parodic rituals (the wedding and funeral of jesters and other festivities) as perceived through the consciousness of a European. The hero of the novel witnesses the formation of a new kind of holiday of the

new era. The carnivalesque behavior of the tsar and his entourage as well as the culture of jesters and skomorokhi provide the chaotic background for the adventurous world of the protagonist.

Keywords: theatricalization of life, literary stylization, B.A. Sadovsky, parody ritual, celebratory culture, anti-behavior.

References

1. Panchenko, A.M. (2000) *O russkoi kul'ture i istorii* [On Russian culture and history]. Sankt-Peterburg: Azbuka. (In Russian).
2. Khodasevich, V. (1996) *Nekropol': Vospominaniia; Literatura i vlast'; Pis'ma B. A. Sadovskomu* [Necropolis: Memoirs; Literature and Power; Letters to B.A. Sadovsky]. Moscow: SS. (In Russian).
3. Golyngo, D. *Bagatelle. Analiz tvorchestva Borisa Sadovskogo* [Bagatelle: Analysis of the Work of Boris Sadovsky]. (In Russian). URL: <http://www.sadovskoi.ru/author/dmitriy-golyngo.html> (Accessed 14.11.2020).
4. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Literature and aesthetics. Research of various years]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
5. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics] Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).
6. Tynianov Iu. N. (1977) *Literaturnyi fakt* [Literary fact]. *Poetika. Istoriia li-teratury. Kino*. Moscow: Iskusstvo, 255-270. (In Russian).

7. Shatalov, A. (1996) *Predmet vliublennykh mezhdometii*. In: Iurkun i M. Kuz'min – k istorii literaturnykh otnoshenii [The subject of lovers' interjections. In: Iurkun and M. Kuz'min – on the history of literary relations]. *Voprosy literatury* [Literary questions]. 6, 58–61. (In Russian).
8. Zhurcheva, O.V. (2007) *Avtor v drame: formy vyrazheniia avtorskogo soznaniia v russkoi XX veka* [The author in the drama: Forms of expression of the author's consciousness in Russian drama of the twentieth century]. Samara: Izd-vo SGPU. (In Russian).
9. Kislova, N.N. (2016) *Teatral'nyi diskurs v proze B.A. Sadovskogo* [Theatrical discourse in B.A. Sadovsky's prose]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cheliabinsk State University]. 1, 94–99. (In Russian).
10. Mukhin, O.N. (2013) «Ot velikogo do smeshnogo...»: neskol'ko shtrihov k portretu *populus ridiculam* pri dvore Petra I [«From the sublime to the ridiculous...»: A few strokes toward a portrait of *populus ridiculam* at the court of Peter I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 11 (139), 209–215. (In Russian).
11. Stralenberg, F.I. (1985) *Zapiski kapitana Filipa loganna Stralenberga ob istorii i geografii Rossiiskoi imperii Petra Velikogo. Severnaia i vostochnaia chast' Evropy i Azii: v 2 t.* [Notes of Captain Philip Johann Stralenberg on the history and geography of the Russian Empire of Peter the Great. The northern and eastern part of Europe and Asia: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Institut istorii SSSR AN SSSR. (In Russian).
12. Darkevich, V.P. (1988) *Narodnaia kul'tura srednevekov'ia: svetskaia prazdnichnaia zhizn' v iskusstve IX–XVI vv.* [Folk culture of the Middle Ages: Secular festive life in the art of the ninth–sixteenth centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Chebotarev, A.Iu. (2004) *Ivan Alekseevich Balakirev kak personazh russkogo fol'klora* [Ivan Alekseevich Balakirev as a character of Russian folklore]. *Petrovskoe vremia v litsakh. Materialy nauchnoi konferentsii* [The time of Peter the Great in persons: Materials of a scholarly conference. Saint-Peterburg]. Sankt-Peterburg: Gos. Ermitazh, 228–239. (In Russian).
14. Bakhtin, M.M. (2010) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Sredneveko-v'ia i Renessansa* [Francois Rabelais' oeuvre and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 4 (2). Moscow: Iazyki slavyanskih kul'tur, 7–508. (In Russian).
15. Popov, M.E. (2015) «*Reforma vesel'ia*»: *sostavnaia chast' kul'turnoi politiki Petra I* [«The reform of merry-making»: An integral part of Peter I's cultural policy]. *Mir Evrazii* [The Eurasian World]. 4 (31), 62–65. (In Russian).
16. Zitser, E. (2008). *Tsarstvo Preobrazheniia: sviashchennaia parodiia i tsarskaia kharizma pri dvore Petra Velikogo* [The Transfigured Kingdom: Sacred parody and royal charisma at the court of Peter the Great]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
17. Uspenskii, B.A. (1996) *Antipovedenie v kul'ture Drevnei Rusi* [Anti-behavior in the culture of ancient Russia]. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury». T. 1: *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. 460–476. (In Russian).
18. Iul', Iu. (2001) *Zapiski datskogo poslannika v Rossii pri Petre Velikom* [Notes of the Danish envoy to Russia under Peter the Great]. *Lavry Poltavy* [Poltava Laurels]. Moscow: Fond Sergeia Dubova, 9–396. (In Russian).
19. Likhachev, D.S. (1997) *Istoricheskaia poetika russkoi literatury. Smekh kak miro-vozzrenie* [Historical poetics of Russian literature. Laughter as a worldview]. Sankt-Peterburg: ALETEIIA. (In Russian).
20. Mukhin, O.N. (2015) *Tsar' karnavala: k probleme smysla shutovskikh svadeb i pokhoron v Petrovskoi pridvornoj kul'ture* [The king of carnival: On the meaning of jesters' weddings and funerals in Petrine court culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 9 (162), 140–151. (In Russian).

21. Iurkov, S.E. (2003) Petrovskaia modernizatsiia kak «perevertyvanie» antimira [Petrine modernization as an inverted anti-world]. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoi kul'ture (XI – nachalo XX vv.)* [Under the sign of the grotesque: Anti-behaviour in Russian culture (Eleventh - early twentieth centuries)]. Sankt-Peterburg: Letnii sad, 81-102. (In Russian).

About the authors:

Natalya N. Kislova, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education

65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099
kislova_nn@sgspu.ru

Olga V. Zhurcheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education

65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099
ianvaro@mail.ru